

Хаустова Дария Олеговна

ТЕАТРАЛЬНОСТЬ ЛИЧНОЙ МСТИ И ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВОСУДИЯ В АНГЛИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ В XV-XVII ВЕКАХ

В статье рассмотрены историко-культурные и социальные условия возникновения и развития жанра трагедии мести в английском театре эпохи Возрождения. Проанализирован феномен мести и его роль в жизни английского общества. Прослежены параллели между событиями реальной жизни и их сценическим воплощением в трагедиях кровавой мести. Выдвинут тезис о театральности личной мести и государственного правосудия в XV-XVII веках.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/2-1/51.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (16): в 2-х ч. Ч. I. С. 207-212. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

**CONTRACT ON FINANCING AGAINST MONETARY CLAIM ASSIGNMENT
AND LOAN CONTRACT CORRELATION PROBLEM**

Diana Valer'evna Fedulova

Department of Civil Law

Law Institute

Tomsk State University

dianaf@mail.ru

The author differentiates between the contract on financing against monetary claim assignment and loan contract, analyzes the elements of similarities and differences between these contractual structures, comes to the conclusion that these contracts have considerable similarity in view of general purpose direction, but also have significant differences, condition a variety of economic relations and cannot compete with each other; and basing on the research suggests the amendments to the current legislation to prevent the identification of the mentioned contracts obligations.

Key words and phrases: contract on financing against monetary claim assignment; factoring; loan contract; subject of contract; onerousness; real and consensual contract character; loan obligation; cession of right; financial services.

УДК 82-21(460)“15”

В статье рассмотрены историко-культурные и социальные условия возникновения и развития жанра трагедии мести в английском театре эпохи Возрождения. Проанализирован феномен мести и его роль в жизни английского общества. Прослежены параллели между событиями реальной жизни и их сценическим воплощением в трагедиях кровавой мести. Выдвинут тезис о театральности личной мести и государственного правосудия в XV-XVII веках.

Ключевые слова и фразы: английский театр эпохи Возрождения; жанр трагедии кровавой мести; феномен мести в жизни и на сцене; театральность личной мести и государственного правосудия.

Дария Олеговна Хаустова

Кафедра истории зарубежного театра

Российский университет театрального искусства

dary-key@mail.ru

**ТЕАТРАЛЬНОСТЬ ЛИЧНОЙ МЕСТИ И ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВОСУДИЯ
В АНГЛИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ В XV-XVII ВЕКАХ©**

В 1485 году война Алой и Белой роз завершилась победой Генриха Тюдора из дома Ланкастеров. Генрих основал династию, которая правила Англией и Уэльсом в течение 117 лет. Затяжная вражда феодальных кланов принесла значительные разрушения и бедствия населению Англии, в ходе конфликта погибли многие представители английской аристократии [11, с. 265]. Вооружённые противоборствовавшими сторонами войска использовались не только для захвата земель и замков, но и для того, чтобы *воздать противнику за прошлые поражения и обиды*.

Период, продолжавшийся с конца XV до середины XVII века, принято считать английским Возрождением, хотя само словосочетание получило не слишком широкое распространение. По большей части говорят о Елизаветинском Возрождении (или о Елизаветинской эре) [21]; об эпохе Шекспира [19], реже – о Якобитском Возрождении [20]. Уинстон Черчилль считает восшествие на трон Генриха VII началом Нового времени в Британии [10]. При этом он подчёркивает: «На протяжении двух столетий или даже более идеи Ренессанса будоражили умы и души людей в Италии. Теперь и Англия оказалась затронута *возрождением античного духа*» [Там же, с. 4].

По мнению британских историков, в XVI столетии образованные подданные Тюдоров любили говорить, что в 1485 году Средневековье завершилось, и с восхождением на трон Генриха Тюдора зародилась новая эпоха [17]. Современные исследователи подчёркивают отсутствие резких разделительных линий в этот период истории Британии: Генрих VII во многом продолжал дело королей из дома Йорков. Большинство специалистов соглашается с тем, что политическая борьба, смута и отсутствие стабильности в XV веке пробудили во всех слоях общества желание иметь сильное, централизованное правительство – правительство, которое могло бы обеспечить мирную жизнь на Британских островах [21, р. 199-275].

Для того чтобы оценить *роль мести как средства защиты чести, достоинства и имущества личности и рода* в Англии эпохи Возрождения, придётся обратиться к истории более раннего времени. Дело в том, что обычаи *личной мести* получили развитие в условиях, при которых роль официального, *государственного правосудия* была минимальна. Эти два способа восстановления справедливости – *личное мщение* и *возмездие по закону* – находились в постоянном противоречии. В XVI веке противоречие, характерное для *реальной жизни* Англии, было представлено на *театральной сцене*. Отметим, что личная месть, как, впрочем, и официальное правосудие, нередко использовалась для того, чтобы вершить несправедливые дела.

Во времена вторжения англо-саксов, фризов и ютов на Британские острова и укрепления их там, был очень широко распространён талион¹ – концепция наказания, основанная на идее *прямого и равного возмездия нанесенного ущерба* – жизнь за жизнь, рана за рану, око за око, мера за меру и, наконец, причинение лжесвидетелю того, что он намеревался причинить своим свидетельством другому. В англосаксонских королевствах сформировалось своеобразное право на междоусобицу и личную месть — *faechte* или *feud*². Это право распространялось только на свободных людей, оставаясь, естественно, недоступным для смердов. Христианизация англосаксов (в VI-VII веках) способствовала развитию культуры, экономики и становлению более прочной государственности [15, р. 7-8].

Норманское завоевание (конец VIII века) привело к утверждению на востоке основного острова³ так называемого датского права: военные дружины состояли преимущественно из данов. Фактически, коренные (если можно их так назвать) жители островов были бесправны. «Тяжела была судьба некогда безжалостных англичан. Запертые в горах, но непокоренные, потомки древних бриттов, должно быть, думали о том, что час отмщения настанет» [11, с. 62].

Единое государство англосаксов было образовано ещё в 829 году при короле Уэссекса Эгберте (Eagberht), но только при его внуке, Альфреде Великом (Alfred the Great), был составлен первый общеанглийский свод законов – Правда Короля Альфреда (около 890 года). С этого времени всякое нарушение законов (в том числе, и сведение личных счётов феодалами) рассматривалось судьями как оскорбление, нанесённое лично королю.

До XV века слабость центральной власти Англии не была скомпенсирована властью на местах; более того, в стране фактически не было силы, которая могла бы урегулировать конфликты или стать посредником между враждующими сторонами, будь то кланы или отдельные личности. По образному выражению Френсиса Бэкона, которого часто цитируют и британские, и российские историки [16, р. 3], *личная месть была «своего рода диким правосудием»* (a kind of wild justice), открывавшим перед потерпевшей стороной практически единственную возможность восстановить честь или возместить понесенные убытки.

Постепенное укрепление государства привело к тому, что власть стала всё более активно вмешиваться в то, что раньше рассматривалось как частное, личное дело. Проявлялась такая активность не только затем, чтобы установить правосудие и поддержать потерпевшую сторону, но и затем, чтобы изъять в пользу «фискальных органов» (короны) долю средств, вергельд (wergeld), которые виновная сторона выплачивала пострадавшей. Такая дань укрепляла в общественном сознании представление о том, что ущерб, нанесённый подданному, не безразличен государству. В той или иной степени пеня за убийство бытовала вплоть до XIII столетия (правление Эдуарда I).

В XIV веке (правление короля Эдуарда III) официальная процедура наказания убийц была построена по альтернативному принципу. Можно было сойтись в судебном поединке (то есть, на суде обвинить обидчика, доказать его виновность и потребовать справедливой кары). Существовала также возможность обратиться с жалобой к властям и ожидать вынесения решения, не участвуя в судебном поединке. Но личное мщение часто оказывалось способом более действенным, нежели медлительная и вовсе беспристрастная машина правосудия.

Во время войны Алой и Белой роз личная месть стала настоящим бедствием. Практически все знатные роды Англии были вовлечены в кровавое противостояние. Исторические хроники повествуют об *убийствах, грабежах и пытках, учинённых по мотивам мести*. Подданные, привыкшие дискутировать с помощью меча и кинжала, представляли собой серьёзную угрозу для пришедшего к власти Генриха VII. Первый Тюдор начал правление с учреждения чрезвычайного суда. Для рассмотрения преступлений, совершённых против короны, была создана Звёздная палата (Camera stellata). Палата рассматривала дела, которые требовали особого внимания «...ввиду чрезмерного могущества одной из сторон, новизны правонарушения или его чудовищности» [11, с. 25-32]. Среди этих дел изобиловали «истории кровавого возмездия». Виновные карались жестоко. Тем самым государство заявляло о своём намерении искоренить месть.

Шли десятилетия. Постепенно укреплялась центральная власть. При Генрихе VIII, короле и Верховном правителе церкви, личная месть во всех её проявлениях (в том числе и дуэль) стала рассматриваться как угроза устоям государства. Дуэлянтам инкриминировалось неуважение к закону, а всякое «нерегламентированное» убийство с заранее обдуманной целью отомстить за нанесённую обиду без посредничества закона, приравнивалось к тягчайшему преступлению. Пожалуй, именно Генрих VIII стал первым британским монархом, обратившим внимание на дуэль. При этом король любил *поединки, которые устраивались при дворе по заранее подготовленным сценариям*. Эти спектакли пользовались неизменным успехом. Отличавшийся недюжинной силой Генрих сам неоднократно участвовал в единоборствах. Некоторые из них были не чем иным, как *публичными актами возмездия* рыцарям, отважившимся добиваться внимания любезных Генриху придворных дам.

Но обратимся к правлению дочери Генриха, Елизаветы I: именно этот период (вплоть до последнего десятилетия правления Глорианы) искусствоведы и историки литературы называют временем высокого Возрождения в Англии [2-5]. «Это был величайший прогрессивный переворот, пережитый до того человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страстности и характеру, по многосторонности и учёности. Люди... были... обвеяны авантюрным характером своего времени. Тогда не было почти ни одного крупного человека, который не совершил бы далеких путешествий, не говорил бы на четырех или пяти языках, не блистал бы в нескольких областях творчества (...именно не только в теоретической, но также и в практической жизни...)» [12, с. 7]. Некоторые из учёных титанов, между тем, не расставались со шпагой, полагая, что рождению истины (или упрочению положения в обществе) не препятствует тот

¹ От лат. *talio* – возмездие в равной мере.

² *Fued* – наследственная вражда, междоусобица, но *feudal lord* – феодал.

³ Этот остров сейчас носит название Великобритания.

факт, что спор становится вооружённым поединком, в котором один из оппонентов убивает другого [22]. В те времена каждый мужчина постоянно носил какой-нибудь вид оружия, шпагу или кинжал. Даже женщины нередко запасались кинжалами, чтобы иметь возможность защититься от посягательств на честь. Хроника английской жизни эпохи Возрождения изобилует кровавыми происшествиями. Убийством прокладывали себе путь к власти и богатству. Малейшая обида служила поводом для дуэлей и драк.

Жизнь за жизнь, рана за рану, око за око, мера за меру, – чем не движущая сила драматического действия? С одной стороны – горе, боль, потеря или унижение потерпевшей стороны, а с другой – возможность отмщения, перерастающая в необходимую, в неодолимую потребность. Ни с чем несравнимый накал страстей. Мечь словно взывала к драматургам в эстетическом и в техническом плане, предлагая им идеальный инструмент развития действия [13, р. 20-24]. Virtuозное использование этого инструмента и стало отличительной чертой трагедии кровавой мести, жанра, получившего распространение в Англии в период с середины XVI до сороковых годов XVII века, с елизаветинских до каролинских времён. В развитие трагедии мести внесли вклад многие драматурги этого периода, включая Томаса Кида, Уильяма Шекспира, Джона Марстона, Джорджа Чапмена, Сирила Тёрнера, Томаса Миддлтона, Джона Вебстера и др. [9; 16]. Вершиной трагедии мести, безусловно, является «Гамлет» Уильяма Шекспира [3].

Чем же так привлекал драматургов феномен мести? Причина (убийство, предательство, оскорбление) сообщала трагедии завязку. Цепь событий, приводивших к акту возмездия, давала поле для проявления помыслов героев, описания их характеров, для высоких обвинительных монологов и низких откровений злодеев, изобличавших самих себя. Но если мечь являлась «магистральным сюжетом» [8, с. 50-51], прочным скелетом жанра, то страдания, сомнения, страсть, расследование обстоятельств, приведших к гибели жертвы, облекали трагедию в плоть и кровь и сообщали им силу и привлекательность. Как катализатор мечь обеспечивала эффект взаимодействия тиранов, узурпаторов и их жертв или, на ином уровне – доводила до катастрофы соперничество в любви и порывы, направленные на защиту чести семьи [9].

Мечь – инструмент с высокой степенью адаптации. Его применяли для создания кровавой трагедии и пьесы с элементами пародии. Таковы «Трагедия мстителя» Томаса Миддлтона и трагикомедия – «Недовольный» Джона Марстона. В комедии Уильяма Шекспира «Двенадцатая ночь» тема мести окрашена в комические тона. Сэр Тоби, сэр Эндрю, Фесте и Мария решают отомстить самовлюбленному «жеманному ослу» Мальволио, препятствующему их беспутным пирушкам. Розыгрыш выходит уморительно смешным, но недобрый. Мрачный дворецкий в свою очередь зловеще обещает отомстить шайке, но его слова тонут в финальной песне шута.

Кровная вражда и мечь кланов сообщили основу и для создания исторических хроник – к ним относится драматическая тетралогия Уильяма Шекспира о войне Алой и Белой роз (три части «Генриха VI» и «Ричард III»). А. А. Аникст подчёркивал: «Кровавые ужасы, которыми полны эти пьесы, были вполне в духе драматургии, популярной в те годы. Шекспир здесь следует образцам кровавой трагедии Кида, тогда как в стиле речей действующих лиц явно ощущается влияние поэзии драм Марло. Но есть в этих произведениях черты, отличающие Шекспира от его предшественников. Кида интересовали случаи кровавой мести вообще. Марло привлекали трагические фигуры людей, мечтающих о власти над миром. Молодого Шекспира интересует судьба его страны. В большей степени, чем этих современников, начинающего Шекспира можно считать национальным поэтом, озабоченным судьбами страны. Марло и Кид с мрачным упоением изображали кровавые ужасы. Шекспир не устает осуждать честолюбивые и корыстные поступки людей, ввергающих страну в кровавый хаос ради своего властолюбия» [1, с. 12].

Между тем, в елизаветинские времена убийство определялось как предумышленное деяние, совершённое человеком в здравом уме¹ и твёрдой памяти и направленное на незаконное умерщвление другого человека [16, р. 12]. При этом жертва могла быть убита сразу или ранена, но так, что смерть от ран наступала не позднее чем через год и один день. Причём если умысел был направлен против одного лица, а ущерб нанесён другому, то осуждать злоумышленника было нельзя. То есть, Клавдий повинен в первом убийстве, отравлении короля Гамлета, но, по елизаветинским законам, неповинен в смерти Гертруды, так как яд предназначался принцу.

Законодательство охватывало также вопросы заказных убийств, подстрекательства к убийству и пр. Так, если некий господин **A** прикажет господину **B** убить третьего – **C**, а затем даст противоположное распоряжение, то вина за убийство **C** (совершённое **B**, скажем, потому, что второй приказ запоздал) на него не ляжет.

Если же некто **A** сообщил господину **B** факты, которые изобличали третьего – **C**, то, что бы ни случилось, обвинять **A** не следует. Создание мотива ещё не есть преступление. Таким образом, обвинять Яго было бы практически не за что, не оброни он небрежную фразу: «Зачем яд? Лучше задушите ее в постели, которую она осквернила». Это уже явное подстрекательство.

В период правления Елизаветы I любые проявления личной мести строго преследовались по закону. Единственным исключением был ответный удар (*retaliation*), реакция на ранение, самозащита. В этом случае можно было надеяться на королевское прощение. Следует подчеркнуть, что в описании использовано понятие *retaliation* (контрмера, воздаяние), а не *punishment* (наказание) или, паче чаяния, *revenge* (мечь).

Королева опасалась проявлений незаконной силы, которые могли бы подорвать её власть. Кровавые спектакли публичных казней собирали толпы зрителей по всей Англии [20; 21]. За преступления (действительные или мнимые) судили жестоко, людей на эшафот выводили дюжинами.

Фактически, *государственное возмездие было зрелищем, спектаклем*. Роль хора нередко играли доносчики, уведомлявшие сильных мира сего об измене. Следствие и вынесение решения сопровождалось театральной декламацией, в которой грехи изменников клеймились нещадно. Френсис Бэкон писал об идолах,

¹ Буквально: в возрасте, соответствующем здравому уму (*age of discretion*)

которые пятнают сознание человека. «Идолы театра», по его мнению, мешали людям быть искренними. Но этими идолами (или демонами) были одержимы и члены Звёздной палаты, неустанно изыскивавшие *новые* или *чудовищные преступления*, угрожавшие целостности королевства или жизни монарха.

Для того чтобы добиться признания вины, существовал целый арсенал пыток. Из подсудимых буквально выдавливали нужные слова, помещая их под пресс. Сознавался ли преступник или упорствовал, *катастрофа* была уже predetermined. Самая жуткая казнь ждала изменников. В соответствии с Указом о предательстве, принятым в 1534 году (при Генрихе VIII, хотя традиция была заложена много раньше, в XIV веке), изменников вздёргивали на виселицу, но сбрасывали с неё не вполне удушенными. Полуживых потрошили, внутренности бросали в костёр. Затем несчастных, уже скончавшихся от мук, обезглавливали и четвертовали. Отрубленные головы выставляли в назидание добрым англичанам на Тауэрском мосту. Указ гласил: «Выставить на всеобщее обозрение к нашему удовольствию».

Головы изменников на Тауэрском мосту служили долгим эпилогом. Здесь на смену удовольствию от того, что акт государственного возмездия был исполнен, приходило назидание. Проявление превентивной функции правосудия в XV-XVII веках также было очень театральным. «Частные мстители» – Иеронимо, Антонио, Тит Андроник или Виндичи, герои трагедий мести, – вершили не более кровавые акты мщения, чем наказание по закону. Государственное возмездие и личная месть служили друг другу зеркалом.

Театрально и символично наказывали и за менее тяжкие преступления, не угрожавшие монархии. За дисциплинарные проступки на флоте вешали на рее. Фальшивомонетчиков варили в кипятке или в масле (вплоть до XVII века). Кроме того, широко применяли уродования вроде урезания языка, носа, ушей. За богоульство, например, отрезали или пробивали гвоздями язык.

Елизавета I приостановила было действие Указа о предательстве, но спустя некоторое время обратилась к Парламенту, и в 1572 году был принят новый Указ, теперь уже – о мятеже, то есть о хорошо продуманном коллективном предательстве короны. Порядок казни предателей и мятежников был перенесён в новый законодательный акт без каких-либо изменений [14, p. 186-190].

Формула наказания просуществовала практически в исконном её виде до 1814 года, когда потрошение было, наконец, исключено из списка пыток. Третья итерация последовала в 1870 году в Англии и лишь в 1949 году – в Шотландии. Изменников стали просто вешать [Ibidem, p. 47-57].

К концу XVI столетия в умонастроениях английского общества произошли серьёзные перемены. Последние годы правления Елизаветы I стали временем разочарования, которое лишь усилилось после вступления на престол Якова VI Шотландского (правил в Англии как Яков I). «Героический энтузиазм, сплотивший весь английский народ на борьбу с испанцами и принесший ему победу (в 1588 году) казался делом далёкого прошлого, “золотым мифом”» [6, с. 181]. Старый социальный порядок рушился. В обществе появилось значительное число нуворишей, а аристократы, напротив, стремительно беднели. Земельные наделы уже не приносили былых доходов. В Лондон хлынули соотечественники короля – гордые и диковатые горцы-шотландцы. Распри вспыхивали мгновенно и тянулись годами. Мечь, вендетта кланов, процветавшая на севере островов, вновь захлестнула центральную Англию.

В таких условиях театральная аудитория могла воспринимать и убийства, и акты возмездия как распространённые социальные явления. Если речь шла о сценических событиях, то на чьей стороне были симпатии, сказать сложно: герой-мститель, пытавшийся добиться правосудия, но отчаявшийся, заслуживал поддержки. В известном труде «Миротворец» (Peacemaker, 1618), выпущенном в якобитское время, приведена позиция короля: «Мечь и убийство связаны неразрывно» (Revenge and Murder come coupled together). Более того, мечь называют «великим покровителем убийства» (*great patron of murder*), отворяющим кровь, а вернее – поток крови [16, p. 26-28].

Отражение официальной точки зрения на прерогативу власти мы находим в трудах Френсиса Бэкона: «Когда мечь исторгается из рук судьи вопреки божьей заповеди *Mihi vindicta, ego retribuam* (Мне отмщение, и аз воздам (лат.)), и каждый обнажает меч не для защиты, но для нападения, частные же граждане начинают воображать себя облеченными законами карать кого бы то ни было за свои обиды, тогда никто не может предвидеть опасности и затруднений, какие могут возникнуть и умножиться... Спорщики могут объединиться в банды... произойдут волнения и мятежи, которые приведут к расторжению семей и союзов и более того – к гражданской войне» [7]. Френсис Бэкон доказывал право монарха быть единственным арбитром во всякого рода конфликтах. Его логические заключения свидетельствуют о том, что в начале XVII века личная мечь рассматривалась как пережиток феодальных времен и подвергалась суровому осуждению. С другой стороны, они говорят о тщетности более ранних попыток короны справиться с «диким правосудием». Церковь активно поддерживала сторону государства: в 1612 году английский епископ и писатель-моралист Джозеф Холл (Joseph Hall (1574-1656)) предрёк двойную гибель – души и тела – тем, кто ослушается божьей заповеди [18].

Как видно, мечь представляла собой чрезвычайно серьёзную проблему; к вопросу отмщения обращались с религиозной, этической, правовой и экономической точек зрения. Мести посвящали проповеди, законы, эссе, памфлеты и, конечно же, трагедии.

Эдвард Гримстон (Edward Grimston) опубликовал в 1621 году исследование, посвящённое анализу страстей человеческих. Первопричиной кровавых преступлений он назвал гнев. Причём между собственно гневом (*anger or choler*) и отвращением, омерзением (*hatred*) проведена чёткая грань, что следует принимать во внимание при обсуждении трагедии мести. Омерзение, по мнению Гримстона, может приводить к справедливой ярости (*natural wrath*). Но если это чувство захватывает человека целиком и не находит выхода в течение долгого времени, гнев может перерасти в злой умысел (*malice*) [16, p. 20-21].

Гнев, как правило, вызван конкретным человеком или его деянием; это болезненное чувство следует излечивать терпением и смирением. При этом омерзение, отвращение можно испытывать как к человеку, так и к обществу в целом. Эти чувства не лечатся. Гнев исполнен боли, омерзение оставляет человека холодным. Гнев ищет выхода в мести; отвращение способно довести героя до того, что он стремится уничтожить объект, не имея никаких оснований для возмездия. Иеронимо в «Испанской трагедии» охвачен справедливым гневом и ищет выхода в мести. Но когда он планирует отмщение и приступает к его реализации, гофмаршал действует, как человек, испытывающий беспредельное отвращение к испанской и португальской верхушкам власти.

Ревность описана как другая серьёзная причина мести. Ревность может довести человека до умопомрачения (*frensie or madnesse*), что приводит к ярости, направленной как на предмет страсти (нередко — уже прошлой), так и на его партнёра по адюльтеру. Измученный ревностью Отелло сначала не может поверить в измену любимой жены, но он уже не в силах избавиться от подозрений. Мавр охвачен яростью и горем, Яго убедил его в том, что было предано самое святое — любовь. Генерал поручает «заботу» о Кассио лейтенанту Яго, а Дездемону лишает жизни сам.

Мщение за поруганную честь рода (например, вследствие прелюбодеяния), далеко не всегда находило сочувствие у елизаветинцев. Жесткий нравственный кодекс, принятый в Испании и в Италии, где смерть считалась меньшим несчастьем, чем бесчестье, был чужд жителям островов. Однако, по словам А. А. Аникста, «... англичане эпохи Возрождения ничуть не походили на флегматичных джентльменов, какими их изображала литература XIX века. Страстность, порывистость, авантюризм, характерные вообще для нравов эпохи Возрождения, были присущи и современникам Шекспира. Правда, передовые мыслители эпохи Возрождения, гуманисты, боролись против всякой дикости и варварских нравов. Их мораль утверждала принципы человеколюбия и справедливости» [1].

Честолюбие и неуёмные амбиции тоже были внесены в «Таблицу страстей» (*A Table of Human Passions*, 1621), способных привести к убийству и отмщению. При этом неудовлетворённость гордеца или отказ ему в правосудии почти наверняка вели к кровопролитию: «Отказ в правосудии — министр презрения, а месть — палач несправедливости» (*Injustice is the minister of disdain, and revenge is the executioner of injustice*) [23, p. 163].

К корням мести причисляли также *зависть и соперничество*, причём завистники, по словам историков, в отличие от мстителей-ревнивцев или мстителей за убитых родственников, не задумывались и не медлили в поиске доказательств вины противника. Уильям Мэйсон (*William Mason*) называл зависть «мощным источником убийства» (*powerful fountain of murder*). Завистник Яго как раз и может быть отнесён к категории таких убийц, хотя он и предпочитал добиваться поставленных целей чужими руками.

Всеобщее осуждение вызывали преступления, имевшие макиавеллистский характер. Коварство и лицемерие не считались свойствами, исконно присущими англосаксам; свойства эти были, как полагали в Англии, посланы Богом в виде особой кары ненавистным папистам. Никколо Макиавелли, автор «Государя», в Англии снискал исключительно дурную славу. В «Мальтийском еврее» Кристофер Марло вывел на сцену духа Макиавелли. В прологе он говорит, что все считают его мертвым, но душа его перелетела через моря и горы и прибыла в Британию. Религия — игрушка, и на самом деле греха нет, а есть только глупость. Власть же утверждается исключительно силой, а закон крепок только кровью.

Но осуждение — осуждением, а практика — практикой. К сожалению, в Англии усилия государства и церкви по искоренению личной мести не приводили к сколько-нибудь заметному сокращению числа кровавых инцидентов. Напротив, число дуэлей и преступлений, совершенных из мести, резко возросло к концу царствования Елизаветы I и в первые годы после восшествия на престол Якова I. Многочисленные дворцовые заговоры, борьба между католиками и протестантами и народные волнения воскрешали в памяти трагическую эпоху междоусобных войн прошлого столетия и более близкое по времени правление сводной сестры Елизаветы, королевы Марии Кровавой.

Дуэль стала преобладающей формой личной мести на рубеже XVI-XVII веков. Дворяне (особенно высшая знать) полагали, что личная расправа с врагом всегда предпочтительнее судебного иска. Королевские указы, запрещавшие дуэли, воспринимались как ограничение свободы. Дворяне выдвигали различные соображения, по которым дуэль представлялась не только допустимым, но даже в некоторых случаях желательным способом разрешения споров и ссор. В свет выходили разнообразные руководства для дуэлянтов, правда, по большей части, под заголовками, содержащими термины «защита» и «самозащита». Более близкое знакомство с текстами позволяет заключить, что рекомендации для дерущихся были обоюдоострыми.

Рассмотрим ряд интересных аргументов в пользу дуэли, выдвигавшихся её защитниками в XVI-XVII веках. Если существуют войны и целые армии сражаются друг с другом, то, следовательно, и частные лица вольны в честном поединке защищать свои права. Правосудие карает виновного за нанесение частному лицу оскорбления не во всех случаях, а лишь когда это оскорбление угрожает общественной безопасности. Поэтому *частное лицо, не добившееся справедливости законным способом, имеет право мстить*. Обычаи старины, особенно традиции рыцарства, повелевают мстить врагу. Так как простолудин не имеет понятия о чести (а все гражданские судьи в то время были «низкого» происхождения), он не может выступать арбитром в споре между джентльменами. Дворянам, таким образом, не остаётся ничего, кроме как драться на дуэли. Во многих случаях правосудие не в состоянии задержать и покарать преступника, а иногда нет даже возможности установить личность злоумышленника. При этих условиях самостоятельное расследование и личная месть призваны помочь правосудию. Даже Френсис Бэкон, непримиримый противник дуэли и личной мести, указывал, что акты отмщения всё же могут быть терпимы, когда, кроме оскорбленного, некому отомстить за обиду, или когда закон непозволительно долго медлит.

Люди низкого происхождения также широко использовали действенный инструмент личной мести. В результате «огораживания» (преимущественно в XV-XVI веках) многие крестьяне оказались лишёнными

земельных наделов. Они превратились в наёмных сельскохозяйственных рабочих, но животноводство требовало значительно меньше рабочей силы, чем растениеводство. Утратив землю, работу, жилища, бывшие крестьяне становились бродягами и нищими (пауперами). Это приводило к депопуляции деревни и неуправляемому росту городов. Из небольшого города с населением в пятьдесят тысяч человек при Генрихе VIII Лондон превратился в монополию с двумя сотнями тысяч жителей. Перенаселённость стала причиной не только плохих условий жизни в столице, но и распространения преступности. История известной тюрьмы Клинк (Clink Prison, Southwark) свидетельствует, что в XII-XVII веках (до фактического закрытия тюрьмы в 1649 году) среди арестантов было немало неудачливых убийц, обвинявшихся за сведение счётов и месть ненасытным кредиторам и владельцам публичных домов.

Таким образом, вопросы мести были весьма актуальны для английского общества эпохи Возрождения. Дворянство традиционно считало мщение способом решения имущественных проблем и не было готово отказываться от этого действенного инструмента. В XVI-XVII веках кровавые распри кланов были уже редким явлением в Англии; основной формой мести высших классов стала дуэль. Искусством фехтования овладевали в специальных школах, обращались к помощи самоучителей, нередко совершенствовались на континенте – в Италии, Франции, Германии, Нидерландах. Простые горожане – ремесленники, торговцы, моряки – предпочитали держаться подальше от суда и следствия, решая свои споры в драках. Тем более что в случае неудачи следовало оплачивать не только судебные издержки, но и собственное пребывание в тюрьме.

То есть, месть была официально запрещена, но оставалась весьма распространённым явлением. Неудивительно, что в XVI веке театральное действие нередко заимствовало мизансцены эшафота, знакомые как простолыдинам, так и знати. Повешенье в качестве наказания за крупную кражу воспринималось публикой как адекватный приговор; был бы преступник как следует вздёрнут. В то же время религиозные англичане искренне верили в то, что нет злодеяния хуже, чем убийство. А если добавить к этому, что человек воспринимался как центр мира [3; 5], то смерть была не чем иным, как катастрофой этого мира. Между этими полюсами – с одной стороны, *умерщвление* как допустимая и распространённая мера наказания, а с другой, *убийство из мести* как *страшное злодеяние* – развивалась культура Англии.

Список литературы

1. Аникст А. А. Гамлет, принц датский // Шекспир У. Гамлет, принц датский. М.: Искусство, 1964. С. 3-17.
2. Аникст А. А. Ренессанс, маньеризм и барокко в литературе и театре Западной Европы // Проблема стилей в западно-европейском искусстве XV-XVII вв. М.: Наука, 1966. С. 178-244.
3. Бартошевич А. В. Для кого написан «Гамлет» // Бартошевич А. В. Шекспир. Англия. XX век. М.: Искусство, 1994. С. 3-34.
4. Бояджиев Г. Н. Вечно прекрасный театр эпохи Возрождения: Италия, Испания, Англия. М.: Искусство, 1973.
5. Виппер Б. Р. Введение в историческое изучение искусства. М.: В. Шевчук, 2008. 364 с.
6. Горбунов А. Н. Шекспировские контексты. М.: МедиаМир, 2006. 364 с.
7. Захаров В. Г. Об историческом фоне английской «трагедии мести» на рубеже XVI-XVII веков // Шекспировские чтения - 1976 / под ред. А. А. Аникста. М.: Наука, 1977. С. 112-138.
8. Пинский Л. Е. Магистральный сюжет. М.: Советский писатель, 1989. 416 с.
9. Хаустова Д. О. Начальный период развития жанра трагедии кровавой мести в английском театре эпохи Возрождения: трагедии Томаса Кида и его последователей // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 3. Ч. 2. С. 218-224.
10. Черчилль У. С. Британия в Новое время: XVI-XVII вв. Смоленск: Русич, 2006. 216 с.
11. Черчилль У. С. Рождение Британии. Смоленск: Русич, 2010.
12. Энгельс Ф. Диалектика природы. М.: Изд-во политической литературы, 1975.
13. Allman E. Jacobean Revenge Tragedy and the Politics of Virtue. Newark, 1999.
14. Barrett A., Harrison C. Crime and Punishment in England. London, 2006.
15. Bishop M. The Middle Ages. The Mariner Books, 1968.
16. Bowers F. Elizabethan Revenge Tragedy (1587-1642). Princeton, 1971.
17. Cheney P. Recent Studies in the English Renaissance // Studies in English Literature. 2007. Vol. 47 (1). P. 199-275.
18. Hall J. Heaven upon Earth, or of True Peace and Tranquility of Mind. London, 1819.
19. Kermode F. The Age of Shakespeare. Orion Publishing, 2005.
20. Merriman J. A History of Modern Europe. London, 2004. Vol. 1. From the Renaissance to the Age of Napoleon.
21. Rowse A. L. The Elizabethan Renaissance: the Life of the Society. London, 2000.
22. Secara M. Life in Elizabethan England. 2011.
23. Soener R. Shakespeare's Patterns of Self-Knowledge. Ohio, 1978.

PERSONAL REVENGE AND STATE JUSTICE THEATRICALITY IN THE ENGLISH SOCIETY IN THE XVTH-XVIITH CENTURIES

Dariya Olegovna Khaustova

Department of Foreign Theatre History
Russian University of Dramatic Art
dary-key@mail.ru

The author considers the historical and cultural-social conditions of revenge tragedy genre origin and development in the English theatre of the Renaissance, analyzes revenge phenomenon and its role in English society life, traces the parallels between real life events and their theatrical embodiment in bloody revenge tragedies, and suggests the thesis about the theatricality of personal revenge and state justice in the XVth-XVIIth centuries.

Key words and phrases: English theatre of the Renaissance; bloody revenge tragedy genre; revenge phenomenon in life and on stage; theatricality of personal revenge and state justice.